

Сулейман Мурад Загадки Книги. Интервью

Когда предположительно был составлен Коран и сколько композиционных слоев он содержит?

Традиция говорит, что Коран ниспосылался пророку Мухаммеду в течение двадцати двух лет, с 610 по 632 год. Мусульмане считают, что Мухаммед был неграмотен и поэтому он не мог самостоятельно записать Коран. Он держал его в памяти. Некоторые из его последователей запомнили или записали части Корана, поэтому, когда Мухаммед умер в 632 году, единого текста Корана как такового не существовало. Ученики имели различные варианты текста в письменном виде. Примерно к 650 году возникла необходимость канонической версии, поскольку халиф Усман боялся, что различия в текстах могут вызвать раскол мусульман. Поэтому он созвал совет для создания канонического текста Корана для верующих. Такова традиционная версия происхождения письменного текста, который уже был в обращении к середине VII века. Практически отсутствуют рукописи, датируемые VII веком, — только устные предания, подлинность которых трудно проверить, с большим количеством противоречивых рассказов. Такая ситуация значительно усложняет задачу исследователя. Существуют единичные исключения — например, надписи внутри Купола Скалы в Иерусалиме (построен в 692 году), которые цитируют несколько стихов из Корана (например, 4:171–172).

Когда вы начинаете изучение Корана как историк, вы понимаете, что это очень сложный текст. Коран не похож на еврейскую Библию, его нельзя сравнивать с Евангелиями. Он не рассказывает историю человека или народа. Еврейская Библия — это история израильтян; Евангелия — история служения Иисуса. Коран — не история арабского народа или служения Мухаммеда. Его уникальный характер повествования ставит перед историком ряд проблем. Если вы будете просто читать Коран, вы узнаете о Мекке, Мухаммеде и Аравии немного. Мусульмане всегда читали Коран

вместе с книгами о жизни Мухаммеда, чтобы понять, что Коран подразумевает. Чего-либо подобного Корану не существует, и он сам утверждает это. Помимо некоторых стихов, которые касаются юридических вопросов, Коран имеет тенденцию к краткости и ссылается на рассказы, события и вопросы, подразумевая, что читателям они уже знакомы.

Некоторые современные историки утверждают, что Коран был создан человеком, но возникает вопрос: был один автор или несколько? Долгое время исследователи – наиболее влиятельным был Джон Уонсбро (Wansbrough) – считали, что Коран был завершен в конце VIII или начале IX века. Однако в связи с тем, что имеются ранние надписи и недавно обнаруженные манускрипты, содержащие части Корана, которые могут относиться к концу VII – началу VIII веков, данная точка зрения ставится под сомнение. Материал и тип письма позволяют установить время создания манускриптов. Например, к середине VIII – началу IX века мусульманский мир в основном использовал бумагу. Кожа, папирус и пергамент были не так удобны, поэтому они вышли из употребления.

Письмо также важно. В VII веке куфическое письмо, предположительно изобретенное в Ираке, было основным. Позднее мусульмане стали развивать другие стили письма, и куфическое было полностью вытеснено. Поэтому, строго говоря, все тексты, написанные куфическим письмом, должны относиться к VII или VIII векам, особенно если они записаны на папирусе или пергаменте.

Где были найдены эти рукописи?

Во время реставрации Великой мечети в Сане в начале 1970-х годов над подвесным потолком был обнаружен тайный чердак, содержащий большое количество древних рукописей. По ближневосточной традиции (к которой относятся также христианство и иудаизм), если рукопись содержит имя Бога или Пророка, ее нельзя просто уничтожить. Самое лучшее – это спрятать ее или захоронить, как рукописи Мертвого моря или тексты Наг-Хаммади. Рукописи прячут не для того, чтобы их никто не нашел, а чтобы они не испортились и таким образом не был оскорблен Бог. Именно это и имело место в Сане.

Одной немецкой исследовательнице разрешили изучить находки, но по данной теме она опубликовала очень мало, опасаясь политических последствий. Похоже, правительство Йемена пригрозило Германии неприятными последствиями в случае, если обнаружится что-либо кошунственное. Тем не менее, некоторые особенно древние пергаменты тайника, написанные куфическим письмом, относятся к концу VII – началу VIII веков, и мы уже видим одно существенное отличие от канонической версии Кора-

на. Традиция говорит нам, что не было ни одного серьезного различия между версиями, собранными халифом Усманом примерно в 650 году, хотя известно, что вплоть до VIII века в некоторых областях — Ираке или Сирии — сохранялись как предмет гордости более популярные версии Корана, без крупных расхождений с каноническим текстом.

Йеменская рукопись, однако, содержит очень серьезное отличие. В каноническом Коране есть стих с императивом «говори» [*qul*] (Бог наставляет Мухаммеда), тогда как в тексте Саны тот же самый стих гласит: «он сказал» [*qala*]. Это позволяет предположить, что некоторые ранние мусульмане, возможно, воспринимали Коран как слово Пророка, и только спустя некоторое время его косвенная речь стала трактоваться как божественное повеление. Существуют также серьезные расхождения в отношении размера глав.

Засвидетельствовано и еще одно ранее отличие. В Куполе Скалы можно увидеть три группы стихов из разных частей Корана, говорящих об Иисусе. В канонической версии одного из них Иисус говорит: «Мир на мне в тот день, когда я родился, в день, когда я умру, и в день, когда я буду воскрешен из мертвых». Надписи в Куполе Скалы, однако, гласят: «Мир на Иисусе в день, когда он родился, в день, когда он умер, и в день, когда он был воскрешен из мертвых». Здесь переход от первого к третьему лицу — несущественное расхождение, однако может расцениваться как отличие от официального Корана.

А как насчет внутренних слоев в самой канонической версии?

Композиция Корана — очень сложный вопрос. Существует огромная разница между мекканскими сурами, которые, как считается, были ниспосланы или сочинены в Мекке в период с 610 по 622 годы, и мединскими (622—632 годы). По сути, книга написана в двух весьма различных стилях. Ключевым фактором первого является рифма. Стихи короткие и довольно неоднозначные, с большим количеством непонятных ссылок. Ученые предположили, что некоторые из этих стихов, особенно очень ранние, которые находятся в конце современного Корана, могли иметь богослужебную функцию, так как они, похоже, подразумевали, что священнослужитель что-то произносит, а народ ритуально отвечает. В отношении мекканских сур Корана можно использовать термин «объединяющие» (*unitarian*): в них звучит призыв к строгому монотеизму, который не рассматривает христиан и иудеев как чужаков, признавая Авраама духовным отцом всех верующих в единого Бога. Это объясняется тем, что в Мекке Мухаммед не имел власти. Но он мог приобрести сторонников, выступая против арабского многобожия — не язычества, к которому Коран

выражает презрение, но многобожия, когда почитание главного Бога искажается добавлением других божеств в качестве посредников (младшие боги Мекки) или помощников (Троица). В этом смысле Бог Корана является библейским Богом-ревнителем, который запрещает всякую связь с другими богами, настаивая, что поклоняться следует ему одному, в противном случае его месть неизбежна.

Когда же Мухаммед поселяется в Медине, он перестает быть обычным верующим. Теперь он Пророк и государственный деятель, религиозный лидер своих последователей и политический лидер в городе, в котором также живут и люди, не принадлежащие к его религиозной общине. В Медине жили евреи, политеисты, а также недавние переселенцы из Мекки, называемые мусульманами. В Мекке все были друг другу родственниками: это было одно племя курайшитов, и они решали спорные вопросы по законам племени. В Медине жили разные племена, не связанные друг с другом, исповедовавшие разные религии. Поэтому когда Мухаммед становится их главой, Коран вдруг принимает другую форму. Он становится менее поэтичным и более прозаичным, сосредоточивает внимание на правовых вопросах; Коран занимает более жесткую позицию по отношению к другим монотеистам и очень агрессивно выступает против многобожия.

Можно ли провести четкую границу между двумя составляющими текста?

Современные ученые признают традиционную концепцию, согласно которой одни суры — мекканские, а другие — мединские, хотя не про каждую суру можно сказать определенно. Например, традиция говорит, что некоторые аяты, ниспосланные в Мекке, были включены в мединские суры, и наоборот. И поскольку нет четкой хронологии аятов, записать Коран в точном хронологическом порядке невозможно (востоковед Ричард Белл (Bell) предпринял попытку и еще больше запутался). Язык текста явно развивается, некоторые слова полностью исчезают и появляются новые. Есть и типичные грамматические ошибки в Коране: иногда предложение начинается в единственном числе и заканчивается во множественном; используются не те гласные в падежных формах. Это с точки зрения лингвиста; традиция утверждает, что Коран сверхъестествен, и ошибок в нем нет. Здесь важно отметить, что около 650 года, когда был создан канонический текст, совет решил составить Коран в порядке убывания, начиная с самых длинных глав и заканчивая короткими. Короткая вводная глава была поставлена в начало, и ученые первых веков спорили, является ли она частью Корана.

Есть ли анахронизмы в тексте? Если нет, то является ли это подтверждением раннего написания Корана?

Да, если Коран был написан в конце VIII — начале IX веков, это бы отразилось на его языке. Если посмотреть на знаменитый гобелен «Анжерский апокалипсис», датируемый XIV веком, который иллюстрирует книгу Откровения Нового Завета, на одной из шпалер можно увидеть фигуру льва с семью головами, держащего лилию (символ Франции) и обращенного взором на дракона с семью головами (символизирующего Англию): здесь Столетняя война между Францией и Англией проецируется на видение, описанное за 1300 лет до событий. Если Коран был написан в более поздний период, он бы отражал ожесточенные богословские и политические споры, вспыхнувшие среди верующих после смерти Пророка относительно преемственности. Но Коран ничего не говорит о преемнике.

Таким образом, нет никаких оснований сомневаться в том, что Коран, который мы имеем сегодня, очень близок к Корану, который пророк Мухаммед получил в откровении и передал своим последователям. Есть, однако, один нюанс. В арабском алфавите много букв, имеющих одинаковую форму, и их звучание определяется либо по гласной, с которой они сочетаются, либо по точкам. Но в VII веке еще не было гласных и точек. Например, три согласные *jim*, *ha'* и *kha'* (а также другие пары или тройки) обозначались одной буквой. Кроме того, имеются несколько букв, обозначающих совершенно разные согласные звуки: *ba'* имеет точку снизу, *ya'* — две точки снизу, а *nun* — одну точку сверху. Это при том, что без точек буквы выглядят одинаково, особенно в начале и середине слова. Если слово состоит из четырех букв и каждая из них может иметь два или три варианта чтения, то возникает путаница. Иногда контекст подсказывает смысл, но зачастую — нет. Например, основное различие между суннитами и шиитами связано с гласной и крючком. В одном аяте Корана, слово можно прочитать либо как *умма* «сообщество», либо как *a'imma* «имамы», и получается «благословение на умме» для суннитов или «благословение на имамах» для шиитов. Так задается тон всей суре, которая для шиитов узаконивает институт имамата, тогда как для суннитов уполномочивает сообщество решать, кто будет им править.

После смерти Мухаммеда Коран стали читать люди, которые изучили арабский, но не являлись его носителями и не были знакомы с устной традицией. Каждый предлагал различные варианты чтения определенных слов. Поэтому около 700 года при содействии династии Омейядов был созван другой совет с целью добавить в текст гласные и точки, чтобы каждый, кто не знаком с устной традицией Корана, мог его прочитать. Так *jim*

стала писаться с точкой под символом, *ha'* осталась без точек, *kha'* приобрела точку сверху.

Но каждая сторона приобрела единственную согласованную собственную версию?

Нет, ко времени кодификации Омейядов были в ходу многочисленные варианты прочтения Корана. Единственное прочтение вызвало бы раскол среди мусульман, поэтому в VIII веке исламские богословы решили признать семь прочтений в качестве канонических, а также некоторые другие, менее значительные. С тех пор существует несколько канонических способов чтения многих слов в Коране.

Означает ли это, что ревностный молодой мусульманин, читая Коран и желая освоить его должным образом, должен быть знаком с толкованием различных прочтений?

Нет и да. Для простоты детей учат одному варианту прочтения. Но если человек хочет изучать Коран и преподавать его правильно, нужно изучить различные способы толкования. Это стало наукой; любой учитель Корана должен знать все толкования. В конце XIX века, однако, комиссия в Египте создала Коран для современных мусульман с целью объединения мира ислама. Массовая печать и распространение данной версии Корана привели к тому, что она довольно широко использовалась, и в целом мусульмане уже не знают, что есть различные прочтения Корана. В этом смысле, большинство современных мусульман неправильно исповедуют ислам, поскольку, хотя некоторые могут читать Коран, они не знают о том, как он был ниспослан и как его следует понимать.

Вы говорите, что они могут его читать, но наверняка арабский язык претерпел множество изменений с VII — VIII веков?

Совершенно верно. Обычному носителю арабского языка понятно очень немногое в Коране. Ведь язык Корана — это не классический арабский. Язык Корана — это частично мекканский диалект, частично — диалекты других племен того времени. Он имеет много общего с языком доисламской поэзии конца VI века — образы, аллюзии, метафоры, идиомы, немногословность. Это был поэтический жанр, в котором, например, на протяжении девятности четырех строчек описывается лошадь, и всякий раз для ее характеристики используется новое слово. Это невероятно. Ни одно такое стихотворение не было записано, но, начиная с VIII века, богословы стали записывать такие стихи для толкования Корана. С другой стороны, классический арабский язык был создан в Ираке в VIII веке преимущественно персидскими жрецами и чиновниками, которые должны были управлять арабской

империей. Им нужно было овладеть языком, поэтому они начали писать первые книги по грамматике и словари, которых до этого не существовало. Поэтому классический арабский, созданный в совершенно иной среде, не дает знаний, необходимых для понимания Корана. Современный стандартный арабский язык — это совсем другое. Он был создан комиссией в Египте в конце 1800-х годов для преподавания в школах с целью содействия арабскому — не исламскому — единству.

Коран часто называют кульминацией монотеистической традиции, и при сопоставлении со слоями еврейской и христианской традиций это очень хорошо видно. Это так?

В некотором смысле это правильно, но необходимо понимать, в каком именно смысле. В течение долгого времени ученые утверждали, что Коран имеет общие места с Ветхим или Новым Заветами, но Мухаммед неправильно толковал свои источники. Однако теперь, когда мы лучше знаем традиции сирийского христианства и раввинизма, мы можем сказать, что Коран пересекается с раввинистическими толкованиями Ветхого Завета и христианскими толкованиями Нового Завета. Как я уже говорил, некорректно сравнивать Коран с Ветхим Заветом или Евангелиями. Следует сравнивать его с экзегетическими традициями позднеантичного христианства и иудаизма. Коран вбирает в себя христианскую и еврейскую культуры, шестисотлетние размышления христианства над еврейскими и христианскими писаниями и раввинистические размышления о Торе и Мишне.

Безусловно, Мухаммед жил в непосредственной близости с христианами и иудеями. Но одна особенность Мекки может объяснить появление новой монотеистической веры. Это был религиозный город со святыней в центре. Но это был также торговый город, и торговля способствовала изменению первоначальных религиозных обрядов. Старейшины Мекки рассуждали: почему мы должны требовать поклонения только нашему богу в Мекке? Если позволить всем привезти своих идолов, то каждый год люди будут приезжать, и это будет способствовать развитию торговли и принесет нам прибыль. Это сделает город еще более привлекательным по сравнению с другими религиозными центрами Аравии. Вот почему Коран столь яростно обличает многобожие. Мухаммед выражает напряженность общества, в котором ощущается религиозный кризис. Его проповедь — это призыв вернуться к исходному, чистому единобожию Авраама. Но в конечном итоге он пошел слишком далеко со своей проповедью, он был сочтен угрозой для благополучия Мекки и изгнан.

После того, как Мухаммед прибыл в Медину, контекст его проповеди изменился. В мекканских сурах Корана много

положительных упоминаний христиан и евреев. В мединских же звучит неприкрытая враждебность, а в некоторых аятах — даже агрессия. Вдруг оказывается, что с христианами и иудеями следует бороться. Оспаривать их богословские позиции недостаточно, с ними необходимо вести настоящую войну. В Медине христианами были единицы, и они не представляли никакой политической или военной угрозы авторитету Мухаммеда. Но иудеи были многочисленны и угрозу представляли. Вот почему Мухаммед приказал вырезать один еврейский клан и изгнать два других.

Два ведущих исследователя данного периода, Хью Кеннеди и Фред Доннер, во многом согласны друг с другом¹. Однако в одном они расходятся. Кеннеди заявляет, что основной формой монотеизма среди арабов было христианство, а иудеи были главным врагом Мухаммеда в Медине, в то время как Доннер утверждает, что хотя иудеи жили в большинстве районов Аравии, однако в Коране больше мест, оспаривающих христианский догмат о Троице, нежели полемизирующих с иудаизмом. Он также отмечает, что в Коране нет ничего напоминающего христианский аскетизм; отношение Корана к удовольствиям и благам мира сего гораздо ближе к тому, что Доннер называет праведностью здравого смысла, свойственного раввинистическому иудаизму. Каково Ваше мнение?

В некоторой мере позиция Доннера видится мне более логичной. Но мы также должны понимать, о чем говорит Кеннеди. Христианство было широко распространено среди арабов в том смысле, что большинство из них обитало не в Аравии. Они жили на территории Сирии (современные Сирия, Иордания, Палестина и Израиль) и Ирака, и там они перешли в христианство в III в. Арабы Восточной Аравии (современные Кувейт, северо-восток Саудовской Аравии, Бахрейн, Катар, ОАЭ и Оман) были также преимущественно христианами; многие арабы в Йемене и Наджране (на границе современных Йемена и Саудовской Аравии) также исповедовали христианство. Но в Хиджазе, где возник ислам, было совсем немного христиан, но много иудеев, особенно в Медине. В Коране много параллелей с раввинистическим иудаизмом: необходимость соблюдать Божьи заповеди и довольствоваться тем, что дает Бог. В Коране гораздо больше ссылок на Ветхий Завет, чем на Евангелия, и отражает он в основном раввинистические традиции толкования. Если сравнить знаменитую историю об Исааке в Коране с Быт 22, то можно увидеть, что в Коране Исаак является очень активным участником. Он говорит своему отцу: «Ты должен

¹ Hugh Kennedy, *The Prophet and the Age of the Caliphates*, London, 2014, pp. 20, 36-37, and Fred Donner, *Muhammad and the Believers: At the Origins of Islam*, Cambridge, MA, 2010, pp. 30-31, 67-68.

сделать то, что повелел тебе Бог» Ничего подобного мы не встречаем в тексте книги Бытия, но раввинистическая традиция того времени под влиянием христианского повествования о распятии Иисуса сделала Исаака более активным участником событий, что мы и находим в Коране. Это не удивительно. Археологические раскопки, произведенные в Саудовской Аравии, говорят о том, что иудеи обитали во многих частях Хиджаза.

Каково было отношение Мухаммеда к христианскому учению? Коран нападает на идею Троицы и обвиняет христиан в обожествлении Иисуса. С другой стороны, описание служения Иисуса соответствует христианской позиции. Иисус описывается как Слово Божье (т.е. Логос) и Дух от Бога. Коран воспроизводит канонические повествования о благовещении, принимает одну из наиболее ранних позиций о непорочном зачатии Марии. В Коране не говорится об Иисусе как сыне Иосифа: в Коране у Иисуса нет отца. В Коране нет еретических версий истории Иисуса. Коран отрицает только его божественность. Это то, чего Коран не терпит.

Как вы относитесь к утверждению Доннера, что Мухаммед призывал общину верующих к вере не в нескольких богов, а в одного, в большей мере, нежели проповедовал новую религию, которую стали называть «ислам»?

Хотя к теории Доннера есть претензии, однако в Коране многое говорит в его пользу. Мы должны понимать контекст его высказывания. Если вы будете читать евангелие от Иоанна, не зная его исторический контекст, вы можете подумать, что это антисемитский текст. Как установили ученые, текст происходит из наиболее многочисленной иудейской группы раннехристианского сообщества, которое незадолго до того было изгнано из синагоги и выражало недовольство этим изгнанием. Или, если вы будете читать ветхозаветных пророков, не зная, что их авторы были израильянами, можно подумать, что эти люди действительно ненавидели иудеев. Вернемся к Корану. Точно так же, если принимать во внимание, что Коран написан монотеистом, считающим себя наследником иудейских и христианских традиций, то становится ясно, что Мухаммед выступает не против иудаизма или христианства; однако, поскольку он находится внутри традиции и видит нарушения правил, его обвинения звучат более жестко, чем если бы он находился вне традиции. Главная мысль Корана, как и библейских пророков, — в том, что человек должен жить по Божьим заповедям, иначе на него обрушится Божий гнев.

Тем не менее, центральный принцип иудаизма заключается в том, что иудеи являются избранным народом, в отличие от других. Говорит ли Коран об этом?

Да, Коран фактически утверждает, что израильтяне были когда-то избранным народом (большая часть третьей суры говорит именно об этом), но ситуация изменилась, потому что они восстали против Бога и нарушили его заповеди. В этом отношении он повторяет христианское учение: евреи отступали от Бога так много раз, что в конце концов Бог решил дать завет всему человечеству (богословие Павла). Эта мысль в чистом виде заимствована из христианства.

Коран делает конкретный упрек христианам: вера в Троицу – отклонение от монотеизма, достойное сожаления. Есть ли похожие упреки в отношении иудаизма?

Есть один, и никто не знает, откуда он появился. Коран нападает на евреев, называющих Узайра сыном Бога. Некоторые ученые отождествляют Узайра с Ездрой, но твердых доказательств этому нет. Кроме того, иудеи упрекаются в том, что нарушают заповеди, например, некоторые работают в субботу, и по причине их неповиновения завет с Богом был нарушен.

В исламе есть одна особенность. Это акцентирование внимания на фигуре Авраама и таким образом принижение роли Моисея. Это абсолютно логично. Представьте, что вы в Мекке основываете религиозное течение. Что вы скажете, если кто-то ставит истинность вашего монотеизма под сомнение? Вы не иудей, не христианин, вы араб, и Бог никогда прежде не посылал вам пророков. Таким образом, вы должны придумать связь с заветом. В еврейской традиции завет ведется от того момента, когда Бог испытал Авраама, повелев ему принести в жертву своего сына Исаака. Особое положение евреев ограничивает завет родословной: Авраам – Исаак – Иаков – двенадцать колен Израилевых. Христианство поставило под сомнение исключительную роль родословной и расширило само это понятие. Поэтому если посмотреть на родословную Иисуса в евангелии от Луки, то возникают два вопроса, которые пытались решить древние христиане. С одной стороны, генеалогия Иисуса восходит к Адаму, который, как утверждается, был сыном Бога, поэтому все дети Адама являются детьми Божьими. Но есть кое-что еще, не имеющее само по себе никакого логического смысла. Эта родословная включает Иосифа, хотя он и не является «отцом» Иисуса. Вопрос: почему ранние христиане вели родословную Иисуса через Иосифа, если они считали, что он не был его отцом? Ответ заключается в следующем: Иисус не может быть Мессией, если он не из колена Давида, и Иосиф осуществляет эту связь. Мария не из колена Давидова. Она потомок Аарона (брата Моисея).

Мухаммеду нужно именно происхождение от Авраама, чтобы быть причастным завету и таким образом иметь право быть

пророком. В связи с этим родословие восходит к Измаилу, сыну Авраама и его наложницы Агари, а не его жены Сарры. Согласно раввинистической традиции, в завет входят только Исаак и его сын Иаков. Только потомки Иакова были участниками завета (однако некоторые раввины интересовались судьбой Измаила и считали его также участником завета). Теперь новое Писание было ниспослано потомку Измаила, и Коран подчеркивает, что он был послан арабам. Несмотря на то, что помимо арабов откровение было дано всем людям, Бог пришел в этот раз к арабам — народу, с которым у него никогда не было серьезных отношений.

Доннер подчеркивает, что термин «мусульмане», означающий «покорные», используется в Коране очень редко, в отличие от термина «верующие». Он утверждает, что для Мухаммеда быть покорным и верить — не одно и то же. Покорность — для многобожников, для монотеистов же главное — вера, в том числе для христиан и иудеев, которые уже уверовали в единого Бога. Доннер делает вывод, что в планах Мухаммеда было не создание новой религии, а просто объединение сообщества верующих². Как вы думаете, это правильно?

Я согласен, но с некоторыми оговорками. Я думаю, Доннер прав, утверждая, что в самом начале, в Мекке, Мухаммед не планировал создавать что-то совершенно новое. Но в Медине он столкнулся с необходимостью создать правила, регулирующие отношения не только между его последователями, но и с теми, кто не был ее членами. Вот где наблюдаются первые признаки перемен. И как только он умер, его последователи стали говорить о новой религии. С последующими арабскими завоеваниями началось противостояние византийскому христианству и зороастризму Персидской империи, что породило более четкие вероучительные положения. Но, насколько мы знаем, по крайней мере, в течение полувека не было никакого стремления обращать или принимать обращенных на территориях, завоеванных арабскими армиями. Похоже, что завоеватели чувствовали себя уже как члены сообщества верующих, а не как носители чего-то нового.

Так было до воцарения пятого омейядского халифа Абд аль-Малика (685–705), при котором были предприняты серьезные шаги для выделения отличий ислама от других религий. Пример, которому ученые уделяют мало внимания, — свидетельство о вере — то, что по-арабски называется «шахада». Все дошедшие до нас написания шахады, относящиеся к VII веку, которые сохранились в виде надписей на монетах или папирусах и даже в Куполе Скалы, гласят: «Нет Божества, кроме Бога, одного без партнеров». Никакой монотеист независимо от вероисповедания

² Donner, *Muhammad and the Believers*, pp. 70-72.

не стал бы с этим спорить. Абд аль-Малик приказал наносить на новые монеты надпись: «Нет Божества, кроме Бога, Мухаммед — посланник Бога». С этим уже ни христиане, ни иудеи согласиться не могли. Исламский символ веры был предназначен для отделения мусульман от других монотеистов и декларировал их превосходство. Позднее шииты создали собственную шахаду, которая состоит из трех частей: «Нет Божества кроме Бога, Мухаммед — посланник Бога, и Али — друг Бога». Эта формула позволяет идентифицировать шиитов.

Не пытался ли Абд аль-Малик также легитимизировать власть Омейядов после гражданских войн, расколовших мусульманский мир в предыдущем десятилетии?

Совершенно верно. Придя к власти в 685 году абсолютно незаконно, Абд аль-Малик боролся за ислам, чтобы упрочить свою власть. Мы часто забываем, что в Иерусалиме он специально построил Купол Скалы на месте Храма Соломона. Этим он говорил: мы, мусульмане, могущественны, мы являемся наследниками иудаизма, законность которого переходит к исламу. Его стратегией было сочетание арабизации (арабский стал языком империи) и исламизации (создание исламской идентичности, которой должны следовать все мусульмане). Он также предпочитал называть себя халифом Бога, чем преемником Пророка. Термин «халиф» означает «преемник», и до Абд аль-Малика он использовался для обозначения преемников Мухаммеда с минимальным богословским смыслом. Абд аль-Малик нанял поэтов, чтобы они в своих стихах воспевали его как Божьего халифа.

Эти примеры помогают нам понять, насколько Мухаммед воспринимал себя создателем новой религии, и насколько это было последующее развитие его последователями. Если посмотреть на эволюцию исламского права — шариата, — то можно увидеть поразительное явление: первым четверем халифам — это может звучать шокирующе — по большому счету было все равно, что сказал Пророк. Они не хватались за голову со словами: «Интересно, что Пророк думал об этом»? Они отдавали свои распоряжения, которые часто вступали в противоречие со словами Пророка. Некоторые мусульманские правоведы первых двух веков ислама делали то же самое.

Например?

Существует известный спор о том, съедобны ли все обитатели моря или нет. Пророк предположительно сказал, что все, кроме лягушек. Первый халиф Абу Бакр сказал, что все дозволено. Абу Ханифа (699–767), основатель ханафитского мазхаба, сказал, что только рыба. Ни один мусульманин-юрист не посмеет сказать,

что только то, что Пророк сказал, является шариатом а остальное — не является. Каждое из вышеперечисленных положений имеет свое место в исламском праве, и каждый человек волен следовать словам Пророка, халифа Абу Бакра или учителя права Абу Ханифы.

Существуют и более крупные противоречия. Например, Коран говорит, что брак ради удовольствия — *mut'a* — приемлем. Когда воины уходили на войну, они могли заключить временный брак с женщиной на неделю, своего рода официальный брак, который аннулировался через семь дней. Халиф Умар запретил эту практику. Таким образом, сунниты не практикуют временный брак, потому что Умар запретил, несмотря на то, что Коран это позволяет. Далее. Есть наказание за супружескую измену. Согласно Корану, виновника следует побить камнями в соответствии с еврейской традицией, но нормой стало сто ударов плетью. Если Коран был ниспослан Богом и его предписания мусульмане должны принимать, то почему в шариате столько противоречий Корану? Ответ в том, что для мусульман Коран по сути не является главным источником правил поведения. Для суннитов такой источник — сунна Пророка, которая распространена в различных вариациях и дополняется еще большим объемом суждений основных ранних деятелей суннизма. Так что даже если постановление Корана противоречит Пророку, это не критично: нужно следовать сунне. Шииты, в свою очередь, следуют учению своих имамов.

Как это согласуется с идеей о том, что Коран является не учением Мухаммеда, а непосредственно словом Божиим? Разве слова Бога не превосходят любое человеческое слово?

В мусульманском мире другая логика. В символическом смысле слово Божье, безусловно, имеет значение. Поразительно, что на практике все исламские движения, утверждавшие, что слово Божье превосходит любое другое, становились маргинальными и терпели фиаско. Для шиитов авторитетом являются слова имамов, одним из которых является Пророк. Для суннитов это расширенный список высказываний Пророка, его сподвижников, их преемников и нескольких основных богословов более позднего времени. Поэтому, несмотря на то, что Коран можно трактовать достаточно гибко, имамы и сунна стали неприкосновенными — если их оспаривать или подвергать сомнению, то вся система рухнет. Вот почему карикатуры на Пророка вызвали гораздо больше насилия в мусульманском мире, чем все остальное.

Все богословские тексты изобилуют противоречиями: четыре Евангелия не согласуются друг с другом, Пятикнижие имеет массу расхождений. Насколько последователен и логичен Коран?

Согласованность – это современный критерий. Любой средневековый текст полон противоречий. Когда писатель пишет о чем-то, он собирает все аргументы, необходимые для обоснования своей позиции, а затем он переходит к другой теме и использует уже другие аргументы, которые могут вступать в противоречие с тем, что он написал несколькими страницами ранее. Есть много противоречий в Коране, а также в основных законах, предположительно восходящих к нему. Запрещен ли алкоголь Кораном или нет? В конечном счете, шариат утверждает, что запрещен. Но Коран говорит нам, что вино было создано Сатаной, а затем в другом аяте (16,67) говорит, что Бог создал финики и виноград, которые можно использовать в качестве алкоголя или пищи. Таким образом, Бог – создатель алкоголя, и Сатана – создатель алкоголя. Очевидно, что традиция пыталась разобраться в противоречии, но ее решения не всегда логичны. Исповедует ли Коран предопределение или свободную волю? Можно найти аяты в поддержку обоих положений, и так почти по всем спорным вопросам. Богословие Корана говорит о конкретном моменте в большей мере, чем формирует единую позицию двадцатидвух-летнего откровения, в разные периоды которого у Мухаммеда были разный опыт, разные занятия. Оно отражает обстоятельства каждой ситуации в определенном временном промежутке и их противоречивые требования.

Если говорить о Коране в целом, какие основные положения он диктует исламу?

Есть пять столпов ислама. Единство и единственность Бога является основой. Но вы также не можете быть верующим, а значит и мусульманином, если не верите в ангелов. Если вы сомневаетесь в существовании ангелов, то вы неверующий, поскольку без ангелов нет связи между Богом и человечеством, и, соответственно, истинность Писания ставится под сомнение. Вы также не можете быть монотеистом, не принимая пророков, которые пришли до Мухаммеда, и пророчеств, которые они дали. Вы не можете быть монотеистом, если не верите в реальность воскресения и судного дня. Все это обязательно. Как монотеист вы обязаны соблюдать закон Божий, как он дан в Коране и воплощен в жизнь в божественном шариате (который Коран определяет не в полной мере). Шариат, однако, определяется по-разному в различных школах права в исламе (четыре в суннизме и несколько в шиизме). В настоящее время это не очень понятно мусульманам, однако еще сто лет назад нельзя было просто сказать: «Я мусульманин», и все. Следовало сказать: «Я ханафит (шафит, имамит)», то есть указать школу, к которой вы принадлежите. Для современных мусульман это не так очевидно.

Одна из причин того, что мусульманском мире в настоящее время так много хаоса, — в том, что большинство людей не знают, что такое шариат. Поскольку нет единого исламского шариата, каждая школа права имеет свой собственный, и человек является мусульманином в соответствии с шариатом этой школы.

Шариат затрагивал почти все аспекты жизни человека. Например, когда мусульманин умирал, его следовало похоронить в соответствии с шариатом школы, которой он придерживался. Если ритуал не соблюдался, это было огромным оскорблением для покойного, таким же, как если бы его не похоронили вообще. В настоящее время тонкостям придают меньше значения, и многие люди просто говорят: «Я мусульманин» и утверждают, что они следуют нормам исламского шариата. Но что такое исламский шариат? Как вы его определяете? Они не имеют понятия. Они думают, что шариат определяется духовным лицом или как-либо еще. Но что если вы из Пакистана, а духовное лицо, которое перед вами, принадлежит школе, которой нет в Пакистане? Эклектичные практики в современном исламском мире являются скорее отражением хаоса, царящего внутри него, нежели фактическим соблюдением заповедей или пониманием, что такое ислам.

Вы упомянули эсхатологический компонент в словах Пророка: убежденность, что судный день придет, и довольно скоро. Некоторые ученые уделяют этому большое внимание. Как вы оцениваете это?

Это одна из тем, в которых можно увидеть эволюцию Корана. В мекканских сурах этот мотив звучит более явно. Конец света — это метафора, которая работает, только если воображение слушателей поражает мысль, что это их последний шанс: судный день близок, и если не покаетесь сейчас, вы обречены. В мединских сурах судный день остается реальностью, но более отдаленной. Я говорю об этом, потому что в этих частях Корана не все понятно. Одна из областей права, прописанная в мельчайших деталях, — это закон наследования. Если мироздание движется к концу времен, то почему столь важно, как именно должно быть разделено наследство? Не просто дай свой удел сыну, или, если есть дочь, то ей — половину или четверть, но рассматриваются и другие вопросы. Что получит мать? Что получит отец? Что делать, если остались только женщины? Предусмотрены различные сценарии наследования. Это явно не община, со страхом ожидающая неминуемого судного дня. Похожая ситуация наблюдается в творениях христианских писателей I века, когда стало ясно, что новый Иерусалим не приходит: мы не можем просто ждать его, мы должны жить, поэтому как мы должны жить, если мы христиане? Фокус традиции смещается, и я думаю, что это произошло при жизни Мухаммеда, а не после его смерти. После того,

как он обосновался в Медине, он стал правителем, и религиозное устремление изменяется. Он больше не пытается внушить общине мысль о близком конце света, он уже может использовать политическую силу для претворения в жизнь своей воли. Поэтому теперь судный день уходит на второй план.

Какие данные о жизни Мухаммеда мы имеем?

Самая ранняя биография — сира — написана в середине VIII столетия Ибн Исхаком из Медины, хотя до нас не дошло ни одной копии. Написанная им биография цитируется в исторических хрониках IX века, а также приводится практически в полном объеме писателем, выдавшим ее за свой труд почти через восемьдесят лет после смерти Ибн Исхака. Ученые пришли к выводу, что сначала была создана исходная версия, затем, получив новые данные, он изменил некоторые истории, сделав их более длинными. Стиль Ибн Исхака очень интересен. Он собрал большое количество свидетельств и с большим мастерством создал связную историю, которая была довольно оригинальной и отличалась от тех, что рассказывали до него. В этом отношении каждый биограф пророка создает его новый портрет, потому что, хотя материалы, которые они использовали, были получены от кого-то другого, их совокупность всякий раз по-разному изображала Пророка. Ибн Исхак создает образ пророка, о котором предыдущие поколения не подозревали. Более поздние писатели, используя устную традицию, вводят в биографию Пророка чудеса и мистические размышления и создают образ, отличный от созданного Ибн Исхаком. В связи с этим, хотя и нельзя сказать ничего определенного о жизни пророка, мы можем быть уверены, что процесс прославления начался вскоре после его смерти, и мусульмане продолжали приукрашать его жизнь, поскольку новым течениям ислама необходимо было, чтобы образ Пророка был ближе к тому, что они проповедовали, и его жизнь должна была выглядеть соответствующим образом. По этой причине с IX—X веков появляются биографии, которые изображают пророка мистиком. До IX века этого не было, и даже в IX веке были мистики, которые утверждали, что пророк был не один. Но как только мистики стали управлять мусульманским миром, пророк *был вынужден* стать мистиком. Более поздние биографии изображали Мухаммеда как борца за права человека, сторонника феминизма, демократии и т.д.

Во многом таким же образом, но чуть раньше, мусульмане начали собирать рассказы о чудесах, приписываемых Мухаммеду, хотя Коран говорит, что в то время как еврейские пророки и Иисус совершили много чудес, Мухаммед чудес не творил. Единственное чудо Мухаммеда — он дал Коран. Так зачем тогда нужна биография пророка, полная чудес? Если проповедь ведется в христианской

среде, стоит ли ожидать, что люди примут пророка, не совершившего никаких чудес? Все биографии формируются в зависимости от требований времени. После того, как ислам начал выделяться в качестве отдельной религии в поздний период Омейядов, первое, что понадобилось, — рассказ о пророке. В Коране его нет. Но, важнее, есть писание, которое необходимо истолковать, что можно сделать только путем рассмотрения того, как Пророк его получил. Вот для чего была создана сира — чтобы сформировать жизнеописание пророка и помочь объяснить Коран.

Подумайте о развитии христианства. Павел не видел причин, чтобы написать жизнеописание Иисуса. До написания Евангелия от Марка (70-е гг.) оставалось около 20 лет. Оно было написано, когда христиане начали спрашивать, кто был этот Иисус из Назарета? До этого все его ученики были его последователями или последователями его последователей. Теперь в Риме были люди, никогда не слышавшие о Палестине: они никогда не были там, ничего о ней не знали, и им нужно было рассказать. Таким образом, каждый раз в эволюции любого религиозного движения возникает момент, когда информации становится недостаточно. Поэтому появились Евангелия. Затем, во II веке, христиане начали задаваться вопросом: кто такая Мария? Таким образом, появляется протоевангелие Иакова, а затем — евангелия детства. Точно так же и с сирой: мусульмане в конце VII — начале VIII веков начали задавать вопрос: кто был этот Мухаммед? Где и как он жил? Спрос породил предложение, с перспективой нового толкования Корана.

Вот почему без сира, описывающей многочисленные исторические события, невозможно понять Коран. Многие мусульманские модернисты из Египта, Индии и других стран хотели пойти по пути протестантов, *sola scriptura*, изучая только Коран как слово Божье. Но все они пришли к выводу, что понять Коран сам по себе без биографии Пророка невозможно. Таким образом, все проблемы классического ислама пришли в современный ислам. Пророк жил в VII веке, и различные средневековые описания его жизни соответствуют тогдашним представлениям. Теперь мы живем в двадцатом веке. Пророк был женат на четырнадцати женщинах — какое мусульманское правительство допустит такое? Это вызвало бы смущение.

В рамках этой темы: есть ли существенные разногласия касательно жизни Пророка?

О да. Мы не знаем, когда он родился. Мы не знаем, какое откровение он получил первым: предлагаются разные группы аяттов. Мы не знаем, где он был, когда получил откровение. Он путешествовал в Иерусалим в плоти, в духе или во сне? Произошло ли вознесение пророка в Мекке или во время его Ночного

Путешествия в Иерусалим? В современных исламских учебниках приводится канонический рассказ или, по крайней мере, максимально согласованный с другими, но в классических мусульманских повествованиях дело обстоит иначе. В отличие от общей картины, многие детали не могут быть установлены. У шиитов имеются собственные версии сиры, которые сунниты отвергают. Например, есть история о том, как в конце своей жизни Мухаммед встретился с Али, положил руку ему на плечо и передал мантию власти со словами: «Кто принимает меня, как господина, для того Али господин». В силу политического подтекста видно, как данный эпизод становится причиной раздора между шиитами и суннитами. Шииты утверждают, что это произошло. Сунниты отрицают, что это имело место, или отрицают, что Мухаммед так сказал, или что он положил руку на плечо Али. Поскольку у нас нет практически никаких письменных памятников о Мухаммеде, датируемых VII веком, мы полагаемся на устные предания начиная с VIII века, включая попытки Ибн Исхака составить единый рассказ. Однако поскольку многие ученые пытались сделать то же самое, мы имеем многочисленные версии его жизни и довольно противоречивую картину.

Одним из основных компонентов традиции являются хадисы. Как они возникают?

Хадисы, или высказывания, приписываемые пророку Мухаммеду, формируют Сунну. Она называется Хадис, то есть крупный комплекс хадисов. Хадис имеет большую юридическую значимость и помогает ответить на многие вопросы. Можно ли пить алкоголь, что пророк сказал об этом? Можно ли нарушить пост в течение дня, что пророк сказал об этом? Когда я вхожу в свой дом, я должен ступить левой или правой ногой? Как делал пророк? Таким образом, Хадис был необходим для шариата. Различные течения начали сбор хадисов, возможно, уже в конце VII века. Они получили широкое распространение к концу VIII — началу IX веков. Известный ученый-правовед Шафии подчеркивал, что мусульмане должны жить в соответствии с правилами совершенного человека, т.е. Мухаммеда, так как только он исповедовал ислам безупречно. Поэтому в его Сунне в первую очередь речь идет о том, что Мухаммед говорил и делал и как он жил. Если вопрос не рассматривается в Хадисе Мухаммеда, надо обращаться к Корану. Если Мухаммед и Коран расходятся, мусульманин должен следовать тому, что сказал или сделал Мухаммед, поскольку Сунна также исходит от Бога. Очевидно, что мусульманские ученые не признают, что Хадис и Коран противоречат друг другу. После того, как Шафии пришел к этому выводу, появилась необходимость собрать или придумать как можно больше высказываний и отнести их авторство Проро-

ку. Том за томом стали появляться сборники «хороших» хадисов; были предприняты усилия для избавления от ненастоящих хадисов. Также большое количество поговорок сподвижников Пророка были приписаны самому Пророку на том основании, что они повторяли все, что слышали от него. Так Хадис стал огромным сводом знаний, большая часть которых, похоже, была придумана, поскольку речь идет о проблемах внутри мусульманской общины: политическая преемственность, свободная воля, предопределение и многие другие вопросы, возникшие лишь после смерти Пророка.

Подлинность хадисов никогда не оспаривалась?

Действительно, многих ученых называли лжецами и обвиняли в подделке хадисов. Теоретически, существовала наука по изучению Хадиса, чтобы отделить зерна от плевел. Источник сам по себе может быть достоверным, но, если у него есть только одна линия передачи назад к Пророку, он не может быть очень надежным; или некий источник мог не сохранить имя человека, который дал хадис, что свидетельствует не в пользу его достоверности; иногда удается обнаружить фальсификацию и самого хадиса, и цепочки его передачи от Пророка, поскольку известно, что фальсификатор не мог встретиться с тем, кто, по его словам, передал ему хадис, и так далее. Большинство собраний хадисов не включают в себя те, которые считаются ненадежными. Истинные, проверяемые хадисы называются *сахих* (звук). Их немного по сравнению с общим количеством используемых хадисов. Когда в IX веке аль-Бухари (810-870) составил сборник хадисов, он заявил, что примерно из 70 000 хадисов, которые он изучил, только около 4800 (меньше 10 процентов) можно назвать *сахих*. Потребовалось три или четыре столетия, чтобы подобные исследования приобрели авторитет, благодаря которому они стали обязательными для изучения в духовных школах. До этого каждый влиятельный хадисовед предлагал свой собственный сборник. Преимущество аль-Бухари — в том, что его сборник был относительно небольшим по размеру. Более поздние становились все больше и больше при все меньшем контроле. После введения в обращение того или иного хадиса, независимо от его достоверности или обоснованности, в конечном счете он признавался кем-либо из ученых.

Если посмотреть на то, что обычно называют арабскими завоеваниями, нельзя не заметить разрыв между высоким уровнем веротерпимости, как это описывают Доннер и другие, и стремительной экспансией ислама с помощью оружия. Кажется, существуют две главные версии того, что происходило. Одна из них, которой придерживается Доннер, утверждает, что только небольшие бои имели место, поскольку нет никаких археологических

свидетельств больших разрушений в тот период; возможно, были отдельные случаи проявления жестокости, а грабежи совершались в основном разбойниками. Что же касается таких историков, как Кеннеди, то, по их мнению, напротив, экспансия ислама коренится в стремлении Мухаммеда объединить весь Аравийский полуостров, на котором одним из основных занятий племен были набеги, и каждый мужчина был воин по определению. После того, как племена объединились общей верой, такие набеги уже были запрещены, и силы были направлены на внешние завоевания. Есть и третья версия, вариант позиции Кеннеди, которой придерживается Патрисия Кроун: новизна ислама – сочетание универсальной веры с универсальной империей³. До этого были великие завоеватели, как Александр Македонский или другие, но они не принесли веру. Универсальная вера была и раньше, в частности христианство, но без идеи универсальной империи. Объединяет эти версии то, что завоевания предшествуют любым массовым обращениям в веру и что события относятся только к концу IX века, когда большинство населения территории современного Ближнего Востока уже стало исповедовать ислам. Как, с вашей точки зрения, соотносятся эти интерпретации?

Раньше было принято говорить об исламских завоеваниях, однако теперь мы понимаем, что этот термин неправильный. Это были арабские либо арабо-исламские завоевания. Мухаммед смог объединить Аравию силой, и это никогда не скрывалось. Когда Пророк умер, племенные союзы были способны изменить карту полуострова, поэтому Абу Бакр послал свои войска для поддержания порядка на территории обитания племен, которые собирались воспользоваться возможностью и противостоять объединению. Но как проницательный лидер он обратил гнев, вызванный его кампанией, наружу, направив энергию бедуинов на территории за пределами полуострова. В этом отношении то, что стало называться арабскими завоеваниями, напоминает завоевания кочевников на протяжении всей истории, вплоть до монголов и турок. Во всех подобных случаях конница кочевников нападала с целью разграбления. Для большинства арабских воинов была заманчивой сама перспектива добычи, они не воспринимали себя новыми повелителями Древнего мира.

Но случилось так, что арабская конница стала выезжать за пределы полуострова как раз в то время, когда две сильнейшие державы древнего мира – Византийская и Персидская империи – были значительно истощены после полувекового противостояния друг с другом. Потрачено было очень много сил и средств; по-

³ Donner, *Muhammad and the Believers*, pp. 106-118; Kennedy, *The Prophet and the Age of the Caliphates*, pp. 21-22, 58-59; Patricia Crone, "Jihad: Idea and History", *openDemocracy*, 1 May 2007.

ложение усугублялось религиозными разногласиями и дворцовыми переворотами. Таким образом, арабы напали на те области, где население хотело спокойной жизни и в целом скорее было готово терпеть власть арабов, нежели оставаться под контролем Сасанидов или Византии. Это не значит, что завоевателей не интересовала добыча. Однако на плодородных территориях богатых культур Палестины, Сирии, Египта, Ирак и Персии логика захватчиков изменилась. Здесь не нужно было нападать на другое пустынное племя и убегать с добычей. Здесь города и селения были способны платить гораздо больше, чем можно было бы получить грабежом. Когда арабские армии достигли Дамаска, то, согласно одной версии, они захватили его силой, согласно другой — они вошли мирно в обмен на дань. Скорее всего, имело место и то, и другое, но взятие города произошло без крупного сражения. Иерусалим был взят без боя в обмен на плату. Большая часть Египта была захвачена таким же образом. Основные сражения, похоже, произошли в Иране и Ираке, где армия Сасанидов оказывала упорное сопротивление. Здесь, вероятно, сработал религиозный фактор. Арабские завоеватели встретили меньшее сопротивление в Сирии или Египте, поскольку религиозные убеждения этих стран — это соответствует позиции Доннера — были весьма близки к вере завоевателей. Ирак в то время был преимущественно христианским либо иудейским, но им владела Персидская империя, зороастрийский культ которой относится к совершенно другой религиозной традиции.

Отражение этого контраста наблюдается в исламском праве. По большей части, земли в Сирии и Египте не стали собственностью мусульман: они оставались во владении местного населения, которое должно было платить мусульманам подать, *джизью*. Но земли Ирана и Ирака перешли во владение мусульман, потому что они были завоеваны. Это сильный аргумент в пользу того, что в других странах Ближнего Востока арабские завоевания сопровождалась малой кровью. Доннер прав, указывая на отсутствие каких-либо археологических свидетельств серьезных разрушений, что удивительно, учитывая масштабы завоеваний. Долгое время считалось, что определенные слои разрушения были делом рук арабских армий, однако более поздние исследования доказали, что разрушения стали результатом персидского завоевания в 614 г. Завоевания арабов следует воспринимать как исход племен с полуострова, судя по всему, к тому времени перенаселенного, по вполне знакомым дорогам. Однако к встрече с новыми условиями жизни они не были готовы.

Когда арабы оказались на территории Плодородного полумесяца, они поняли, что они в меньшинстве, причем не только религиозном, но и этническом, — в регионах, где они теперь должны были править. Они не хотели возвращаться в Аравию.

Значительная часть племени, населявшего Мекку, обосновалась в Дамаске, Египте, Ираке. Весьма немногие из коренных жителей остались в Мекке или Медине, то же самое касается и многих других поселений. Арабское общество и экономика довольствовались малым: полуостров был засушлив, люди — бедны. Однако теперь они могли пользоваться дворцами и предметами роскоши, унаследованными от двух империй. Зачем возвращаться в пустыню? Так арабы поселились на завоеванных территориях, будучи при этом этническим, языковым и религиозным меньшинством. Традиция говорит нам, что в этот период было запрещено обращение в ислам, что показывает, насколько завоевания были слабо религиозно мотивированы, в противоположность созданному на Западе шаблонному образу арабского воина, держащего Коран в одной руке и меч — в другой. В действительности, так как Коран можно держать только правой рукой, все эти арабские воины должны были быть левшами. На самом же деле население Сирии, Египта и Ирака оставалось преимущественно христианским при значительном иудейском присутствии вплоть до IX — X веков. Иранское общество оставалось, в свою очередь, в основном зороастрийским или христианским до IX века. Когда начались преобразования, в ислам стали переходить не в принудительном порядке, а скорее из удобства — чтобы получить доступ к должностям в администрации и армии или к тем видам работ, которые были доступны только мусульманам.

Каким образом идея джихада фигурировала (и фигурировала ли вообще) во время завоеваний? Кроун говорит о «миссионерской войне», утверждая, что высшим долгом верующих было бороться за ислам. Считаете ли вы такой взгляд ошибочными?

Единственное свидетельство первоначального использования термина «джихад» мы находим в Коране, где термин и производные от его корня j-h-d могут означать одно из двух: «прилагать усилия» или «сражаться на пути Бога». Первый указывает на энергичное усилие в любом начинании: чтобы что-то изучить, чтобы стать хорошим человеком. «Прилагать усилия» — основное значение термина в арабском языке. Но также этот термин имеет религиозный смысл, который стал идиоматичным: сражаться на пути Бога, зачастую в значении «вести войну». Так было с самого начала. Когда Коран использует джихад в этом смысле, речь неизменно идет о военном противостоянии опасности, угрожающей мусульманскому сообществу. В Медине, где Мухаммед подвергся нападению и нанес ответный удар, джихад стал идеологическим ответом на вызов, с которым столкнулся Пророк. Это не значит, что джихад воспринимался исключительно как средство обороны: он был результатом взаимной вражды между Пророком и его противниками.

Более того, арабские завоевания, как правило, не описаны в письменных памятниках в качестве примеров джихада. Они называются на арабском *futuh*, что буквально переводится как «завоевания». Еще один термин был использован для военных кампаний Абу Бакра, чтобы после смерти Пророка вернуть отпавшие от договора с ним племена. Это была война против отступничества, *ридда*. Перемещение центра мусульманского мира на север, на территорию Ближнего Востока, и приход Омейядов к власти в 661 году можно считать началом Арабской империи. Она вступила в противостояние с Византией и остатками империи Сасанидов, а также направляла военные отряды в Афганистан, Северную Африку и даже Испанию. Теперь это был уже не *futuh*, а джихад. Некоторые современные исследователи рассматривают империю Омейядов как государство джихада, развязавшее новый вид войны: между миром ислама и неисламским миром. Это был первый случай джихада между территорией ислама (*дар аль-ислам*) и территорией войны (*дар аль-харб*). Этих двух понятий прежде не существовало.

Абд аль-Малик был обязан выплатить византийцам дань за нападение и уступить часть территории, в противоположность мусульманской экспансии, поскольку он был сосредоточен на борьбе со своими противниками в мусульманском мире. Результатом стало видение джихада как превентивной меры, требующей практически ежегодных военных походов против неверных. Некоторые ученые утверждают, что после Абд аль-Малика халиф был обязан вести военную кампанию один раз в год. Но когда Аббасиды свергли Омейядов в середине VIII века, они обнаружили, что огромной империей сложно управлять и джихад слишком дорого обходится и отвлекает от основных дел. Не желая конфликта с богословами, они наняли своих богословов обосновать джихад как коллективный, а не личный долг. Это изменило практику. Пример. Молитва — личный долг: твой отец или сын не может помолиться от твоего имени, ты должен сделать это сам. Если этого не сделать, то это означает преступление против Бога, и ты понесешь наказание. Изготовление хлеба, с другой стороны, не является индивидуальным долгом: пекарем не обязан быть каждый. Но если несколько человек решили печь хлеб, они могут производить достаточно хлеба для всех. Джихад был пересмотрен в аналогичном смысле: если лишь немногие ведут джихад, и это удовлетворяет потребности общества, то остальным вести джихад необязательно.

Эта доктрина, изложенная богословами Аббасидов, вызвала раздражение многих других богословов, которые предпочитали предыдущее определение джихада как долга каждого человека: даже если сам халиф не призывал к джихаду, обязанностью каждого мусульманина было взять оружие и идти к границе

сражаться. Так, в начале периода правления Аббасидов турецкие воины, недавно обращенные в ислам, проделывали долгий путь из Центральной Азии, чтобы воевать на византийской границе, потому что именно здесь они могли выполнять те обязанности, от которых халифы уклонялись. Целью пересмотра джихада было его укрощение. Как только призыв к джихаду стал исключительной прерогативой халифа, он мог придумать миллион оправданий, чтобы избежать его осуществления. Государство могло бы, разумеется, всегда ссылаться на джихад при необходимости, однако в целом Аббасиды не имели намерений этого делать, так как в то время процветала торговля между мусульманским миром и Византийской империей и Индией, и им не хотелось, чтобы любой сумасшедший мог заявить: «Я веду джихад, потому что это неверные».

Тогда как быть с военными походами Газневидов в Индию?

Это исключение. Власть Газневидов, которая распространялась на часть Восточного Ирана, большую часть Афганистана и на Центральную Азию, был автономна от Багдада, хотя формально подчинялись халифату Аббасидов. Этнически государство Газневидов состояло в основном из афганцев, а также турок, узбеков и казахов. В конце X — начале XI веков самый известный правитель государства Махмуд Газневи нападал на Индию семнадцать раз, разрушая и грабя храмы и города во имя джихада. Он породил такую вражду между индусами и мусульманами, что она не забыта на полуострове по сей день. Но Аббасиды тут ни при чем.

Не способствовали ли крестовые походы возрождению идеи джихада на Ближнем Востоке?

Способствовали. Крестовые походы поставили серьезный вопрос перед мусульманским миром: мы думали, что мы — носители последней религии спасения, а теперь христиане вторгаются, захватывают территории в самом сердце ислама, сама Мекка может пасть — они собираются уничтожить нас? Такова была реакция. В связи с этим предпринимаются некоторые попытки трансформировать джихад, чтобы обязанность, как раньше, возлагалась на каждого отдельного человека. Право объявления джихада было уделом халифов, но те сидели на своих седалищах и ничего не делали. Когда Иерусалим был завоеван крестоносцами в 1099 г., делегация богословов — по иронии, не из Сирии или Иерусалима — отправилась в Багдад, чтобы просить халифа объявить джихад и отправить подкрепление для возвращения Иерусалима. Традиция гласит, что богословы прибыли в месяц Рамадан и публично нарушили пост в дневное время — страшное преступление — просто чтобы вызвать шок и тем самым сказать:

то, что мы потеряли, — гораздо больше того, что мы сейчас сделали. Халиф остался совершенно равнодушен.

В результате все чаще и чаще стала звучать мысль, что не нужно зависеть от правителей; борьба с неверными должна снова осознаться как личный долг. В период крестоносцев было написано больше книг о джихаде, чем в любой период до или после. Они были написаны богословами, близкими к правителям, из которых самым важным был турецкий атабек Нур ад-Дин Махмуд (1118-1174). Западный мир знает Саладина, племянника одного из его полководцев, но фактически Нур ад-Дин был создателем стратегии и идеологии, благодаря которым позднее Саладин нанес сокрушительное поражение крестоносцам. Идеология джихада процветала в тот период; также тогда впервые джихад был использован против других мусульман — в первую очередь, шиитов, а также «неправильных» суннитов. Поэтому, если говорить о таком мыслителе как Ибн Таймия (1263-1328), оказавшем большое влияние на бен Ладена и современных боевиков, его непримиримость не оригинальна. Нетерпимость к другим мусульманам возникла гораздо раньше, когда богословы стали утверждать, что именно разобщенность мусульман сделала вторжение неверных возможным: внутренний враг — вот настоящая беда, и если мы едины, мы можем победить внешнего врага — крестоносцев; это внутренние враги ослабляют нас. Эта мысль достигла своего апофеоза, когда монголы пришли на Средний Восток, в то время как крестоносцы еще там находились. Монголы разграбили Багдад в 1258 году и совершили массовые убийства в Дамаске и Алеппо. Они собирались взять Египет, но были остановлены при Айн-Джалуте в северной Палестине мамлюками, армией турецких рабов.

В течение первых сорока-пятидесяти лет своей истории мамлюки были ориентированы на джихад еще сильнее, чем их предшественники, продолжая воевать с крестоносцами после победы над монголами. Но как только угроза монгольского захвата миновала, а крестоносцы были изгнаны, мамлюки последовали примеру Аббасидов, забыв о джихаде. Они стали наслаждаться дворцовой жизнью, контролем над обширной торговлей пряностями, начали торговать с итальянскими городами-государствами, особенно Венецией. Но хотя мамлюки потеряли интерес к джихаду, они, в отличие от Аббасидов, не стали нанимать богословов для трансформации доктрины, сложившейся за предыдущие два столетия. Поэтому идеология джихада времен крестоносцев осталась в основе суннитской традиции как идея, готовая к применению, не встретив возражений. В отличие от доктрины коллективной ответственности Аббасидов, данная более поздняя идеология джихада никогда не оспаривалась. Так что в любой современной духовной школе преподается именно такое понимание джихада.

Но разве не Османское государство, в свою очередь, имело сильную идеологию джихада с ежегодными походами против неверных, подобно Омейядам?

Османы переняли культуру джихада периода крестоносцев, и воевали под его знаменем против византийцев в течение длительного времени. Турецкое слово «гази» является синонимом термина «джихадист». Некоторые современные исследователи пытаются убедить нас, что гази на самом деле не исповедовали джихад. Это исторически несостоятельно, а причина лежит в желании изобразить прошлое Османской империи более мягким, чтобы произвести приятное впечатление на ЕС и упростить присоединение к нему Турции. Тот факт, что в турецкой армии были христианские наемники, не означает, что турки сами не вели джихад. Даже ранние арабские завоевания в некоторых случаях осуществлялись при поддержке христианских войск: армянская армия воевала бок о бок с арабской против византийцев. Использование войск иноверцев не подразумевает терпимость к этой вере. Турецкое общество того времени состояло еще из племен, это было воинственное общество, впитавшее идеологию джихада. Однако развития идеологии не было, поскольку османские богословы чувствовали собственную слабость. За редким исключением, они не смогли освоить арабский язык. Османы привезли арабских правоведов в Стамбул, но потребовалось некоторое время, прежде чем они смогли использовать их религиозный авторитет в мусульманском мире. Естественно, как только они стали управлять огромной империей, они перешли к более размеренной жизни и отказались от джихада.

Их крупные походы на Балканы (вплоть до осады Вены в 1683) не следует рассматривать как проявление джихада?

Это были отголоски представлений о территории ислама и территории войны. К тому времени турки обратили свое внимание на Европу, к которой, по их мнению, они принадлежали в большей мере, нежели к Сирии или Египту. Но в XVI веке основным объектом османского джихада была иранская династия Сефевидов, которая представляла скорее угрозу, нежели желанную добычу. Османы не были заинтересованы в завоевании Ирана, но Сефевиды были проблемой, поскольку они были шиитами, как и значительная часть населения юго-восточной Анатолии, что доставляло османам большой дискомфорт. Результатом противостояния стали упреждающие удары османов по влиянию Сефевидов на их собственной территории из опасения раскола Османской империи на две части. Таким образом, были проведены многочисленные военные кампании против кызылбашей, или красноголовых, как они называли шиитов восточной Анатолии, вероятно, из-за древнего греческого обычая носить красные шляпы.

Это поднимает серьезный вопрос о разделении уммы на шиитов и суннитов. Что бы вы назвали причиной разделения? Чем объясняется крайняя жестокость гражданских войн, вспыхнувших по вопросам преемства, после завоеваний, которые были относительно спокойными?

После смерти Пророка в 632 году сразу встал вопрос о преемственности. Традиция пытается нас убедить в том, что именно тогда произошел раскол. Но на самом деле это произошло не сразу. До IX века не было суннизма или шиизма как таковых. То, что мы можем назвать протошиизм, началось как политический вопрос: убеждение, что Али должен быть прямым преемником Мухаммеда, потому что он был его двоюродным братом и мужем его дочери Фатимы. Но если мы внимательно посмотрим на вопрос преемственности, то увидим, что серьезных споров не было. Если и существовали группы людей, которые считали, что Али должен стать преемником, то это было по другим причинам. Я говорю об этом, поскольку есть четкая закономерность относительно первых пяти халифов, которую, похоже, некоторые историки не заметили, хотя она лежит на поверхности. Первые два халифа были тестями Пророка: Абу Бакр был отцом Аиши, а Умар — отцом Хафсы; обе женщины были женами Мухаммеда. Третий халиф, Усман, был женат на двух дочерях Пророка, отсюда его прозвище, Зун-нурайн, что означает «обладатель двух светочей». Существует много споров о том, был ли он женат на них одновременно или нет, поскольку исламское право, запрещает быть женатым на двух сестрах одновременно. Можно жениться на одной, развестись и жениться на другой, но не быть женатым на обеих одновременно. Поэтому имеет место дискуссия, был ли он исключением из правила до того, как оно стало применяться. После Усмана был Али, женатый на дочери Мухаммеда Фатиме. После него — Муавия, чья сестра была замужем за Пророком. Таким образом, первые пять халифов были родственниками Пророка. Что это, если не наследование в соответствии с определенными племенными правилами приоритета? Иерархия идет от теть к зятю, от зятя к шурина.

Али стал четвертым халифом, после того как Усман был убит в 656 году при загадочных обстоятельствах. Во время своего недолгого правления он не только боролся с женой Пророка Аишей, но и убил двух близких соратников Пророка, Тальху и Зубайра. Они входили в число десяти ближайших соратников Мухаммеда, которым, как считалось, было обещано восхождение прямо в рай как людям, которые не могут ошибаться. Тем не менее, Али, один из десяти, отправил на тот свет двух других. После смерти Усмана это создает огромные богословские проблемы. Кто из трех поступил неправильно? Кроме того, группа сторонников Али,

которая позже стала известна как «несогласные» — хариджиты — восстала против Али, обвиняя его в нарушении Корана, и убила его. После его смерти в 661 году Муавия, который отказывался признавать Али халифом на том основании, что Али защищал убийцу Усмана, был естественным кандидатом на роль халифа, будучи шурином Пророка. Ко времени смерти Муавии в 680 году не осталось никого, кто бы был непосредственно связан с Пророком через брак. Муавия договорился передать престол своему сыну, Язиду. Такого в исламе раньше не было, и этот прецедент породил новый порядок передачи власти путем наследования. Многие возражали против этого, в том числе Хусейн, младший сын Али и Фатимы. Но так как старший сын Али, Хасан, был подкуплен, чтобы не высказывать претензий и принять Язида в качестве правителя, Хусейн вынужден был ждать смерти брата, чтобы поднять бунт. Его роль в этом восстании доподлинно неизвестна, но, похоже, группа последователей его отца убедила его отправиться в Куфу, что в южном Ираке — это указывает на то, что там уже существовало протошиитское сообщество — и поднять восстание против Омейядов. Когда Язид узнал об этом, он приказал своему военачальнику в Ираке устроить засаду и убить Хусейна. Его голову привезли в Дамаск и отдали Язиду. Хусейн был внуком Пророка, и это событие с тех пор лежит черным пятном на памяти Язида.

Объясняется ли этим странное несоответствие последовавших традиций — ужасающий шиитский рассказ о подлости Муавии и Язида, с одной стороны, и отсутствие суннитских нападок на легенду о Хусейне?

Да, несмотря на то, что Язид является протосуннитской фигурой, о нем не принято много говорить, для всех было бы лучше, если бы его не было. Его нельзя осудить, но и принять его нелегко. В период крестоносцев предпринимались попытки его реабилитации как правителя, поднявшего джихад против неверных и передавшего хадисы, сохранив тем самым Сунну Пророка. Но раньше, при Аббасидах, такой потребности не возникало. Исторически сложилось так, что смерть Хусейна вызвала создание религиозного движения, которое сформулировало принцип передачи власти в мусульманском обществе как последовательность имамов, первым из которых был Али и третьим — Хусейн. Шестой имам, Джафар ас-Садик, последователь Али, чья активность пришлась на середину VIII века, судя по всему, сформировал ранний шиизм как религиозную систему, хотя многое в его биографии напоминает скорее вымысел, чем правду. Отвергнув идеологию джихада, он призвал благочестивых мусульман заботиться о сообществе и передавать знания о Писании.

Перед смертью Садик заявил, что его сын Исмаил будет следующим имамом. Но Исмаил умер раньше отца, и Садик сделал своим преемником другого сына. Но придворные, ожидавшие, что Исмаил будет наследником, отказались принять это. Они заявили, что если объявлен следующий имам, то решение не может быть изменено, поэтому стать имамом должен был сын Исмаила. В результате произошел раскол внутри общины шиитов, появилась секта Исмаилитов, или седьмого имама, потому что они считали, что Исмаил был седьмым имамом. Другая линия имамов закончилась с исчезновением двенадцатого имама, чудесного возвращения которого шииты-двунадесятники ждут по сей день. Алавиты, в свою очередь, не считают, что двенадцатый имам когда-либо существовал, они ведут счет до одиннадцатого. Зейдиты, которые занимают видное место в Йемене и населяли в прошлом северо-запад Ирана и другие страны, не верят, что имамат ограничивается потомками Али и его жены Фатимы. Они считают, что любой потомок Али может быть имамом, открывая тем самым возможность для детей Али, которых он имел от рабынь, но считают, что имам должен показать себя на поле боя, а также среди богословов. С конца VIII века до нас дошло большое число записей зейдитских имамов, которые свидетельствуют о формировании особой шиитской секты. К тому времени шиизм начал укореняться как религиозное течение.

Суннизм появляется позднее, как антипод шиизму?

Нет, протосуннизм примерно в то же время осознал себя как противовес шиизму. Но в самом начале суннизм представлял из себя хаотичную систему, в которой каждый богослов мог создать новую школу права и назвать ее суннитской. Предание гласит, что около 850 года халиф из династии Аббасидов Мутаваккиль положил конец этой практике, постановив, что отныне допустимы только пять суннитских школ и одна шиитская. Шиитская школа получила название джафаритской – в честь Джафара ас-Садика – и ее учение было разработано его последователями. Суннитские школы – это ханафитская, шафиитская, маликитская, ханбалитская и давидитская, или захиритская (последняя прекратила свое существование, хотя была популярна в средневековой Андалусии). Решение Мутаваккиля означало, что каждый верующий и каждый богослов должны принадлежать к одной из этих школ. Многие из школ были довольно аморфны в VIII – начале IX вв. и были кодифицированы лишь в конце IX в. Так, с точки зрения права, суннизм мог быть разнообразным. Но с точки зрения богословия, попытки властей навязать единую систему приводили к более строгим разделением (в суннитские школы входили ашаризм, матуридизм, ханбализм, мутазализм и суфизм, шиитские – зейдизм,

исмаилизм, двенадцатники, нусайризм и друзизм). Довольно скоро у суннитов появилась своя версия жизнеописания Пророка и того, что происходило после его смерти, в противовес шиитской, причем каждая из версий толковала слова Пророка в свою пользу.

Когда большинство населения Ирака стало шиитским? Насколько распространение шиизма было обусловлено исламизацией этнических меньшинств — скажем, буидов в Ираке или берберов в Тунисе, как появились Фатимиды в Египте?

Ошибочно думать, что шиизм обратился к меньшинствам. Два течения (из Туниса и из Восточного Ирана) зародились в тех областях, где контроль центральной власти был слабым, а не потому, что они подчеркивали этническую идентичность. На самом деле, династия Аббасидов после первых трех-четырех халифов пользовалась главным образом поддержкой турок. Доподлинно известно, что Аббасиды перенесли свою столицу в Багдад в 762 году потому, что они не могли выдержать натиска Алидов — сторонников Али — в Куфе, где протосунниты боялись враждебности протошиитов. Так Аббасиды хотели уйти и создать свой собственный город, чтобы решать, кто может там жить, а кто нет. Именно поэтому вначале Багдад был в большей степени протосуннитским, чем протошиитским центром. Но потом туда стали переселяться все.

Кто такие буиды? Это шиитская династия курдов и дейлемитов из северо-западного Ирана. Они правили Ираком и Ираном, будучи номинально под властью Аббасидов в X — XI веках. Похоже, сначала они были Зейдитами, некоторые из них — двенадцатниками, и они правили Ираком и Ираном как шиитские султаны под формальным руководством халифа-суннита. Шиитская династия впервые получила такую власть, и она использовала ее для проповеди шиизма. В Алеппо правила династия Хамданидов, двенадцатников, а в Египте — династия Исмаилитов Фатимидов. Так что в середине X века большая часть мусульманского мира была под властью шиитов. Так же, как несколько столетий до этого многие обращались в ислам из удобства, теперь многие стали шиитами. Сельские районы Сирии оставались преимущественно шиитскими до прихода османов. В XIV веке большое количество людей из южного Ливана переселилось в до того времени по большей части суннитский Иран, тем самым увеличив там долю шиитов.

Когда же правителями были сунниты, все происходило с точностью до наоборот. Побережье современного Ливана было заселено шиитами и христианами, но в конце XIII века туда пришли войска мамлюков, они прогнали всех шиитов — двенадцатников, Фатимидов, друзов — в горы и в долину Бекаа, а на освобожденной земле поселили туркменские и курдские племена. Османы вели

такую политику в больших масштабах, вынуждая шиитов стать суннитами. Именно поэтому, если посмотреть на современную карту Сирии, можно увидеть многочисленные шиитские деревни вокруг Алеппо, который был преимущественно шиитским до суннитских правителей — Нур ад-Дина, Саладина, затем мамлюков, османов, — которые изменили состав города, где люди либо обращались в суннизм, либо уезжали в близлежащие деревни.

Та же ситуация и с Ираном. Современный Иран по большей части шиитский, но это стало результатом политики, проводимой Сефевидами начиная с конца XV века. Сунниты под угрозами вынуждены были либо обратиться в шиизм, либо покинуть территорию. В течение длительного периода южный Ирак был также под контролем Сефевидов, и, поскольку там находились наиболее почитаемые святые шиитов, население очень благосклонно относилось к паломникам. Этим объясняется то, что южный Ирак преимущественно шиитский, в то время как северный Ирак, в течение длительного времени пребывавший под контролем османов, — суннитский, а также почему курды в Иране — не сунниты, а шииты, а в северном Ираке и Турции — напротив, сунниты.

Сообщество алавитов в Сирии никак не связано с властью Хамданидов. Является ли их версия шиизма особой?

Существовало два шиитских сообщества, чье богословие раздражало доминировавших тогда шиитов-двунадесятников, не говоря о суннитах. Алавиты являются по сути Нусайритами, которые считают, что Али должен был стать пророком Божиим, но ангел Джабраил ошибся и явился Мухаммеду, а когда Али умер, он взшел на небо и ждет там, чтобы вернуться в Судный день. Есть также друзья, чье верование представляет смесь самых разных религий — от буддизма до древнегреческой философии. Платон для них — пророк, и Иоанн Креститель — пророк: в Большой мечети Дамаска мощи Иоанна в основном посещают друзья. Они были с возмущением осуждены суннитскими богословами и изгнаны в горные западные районы Сирии и юго-восточной Анатолии.

Чем объясняется повторение противостояния между суннитами и шиитами на Ближнем Востоке в настоящее время? На протяжении столетий подобных конфликтов между ними не было — что вызвало их теперь?

Существуют три основные фигуры современного ислама, которые были панисламистами: Саид Кутб в Египте, Хомейни в Иране и Маудуди в Индии и Пакистане. Все трое призывали мусульман преодолеть свои разногласия, чтобы победить двойное зло: загнывающий капитализм и атеистический коммунизм. Каждый из

них говорил, что мусульмане живут в такое время — тут звучали эсхатологические нотки, — когда верующие зажаты между этими двумя напастями и понуждаемы сделать выбор в пользу одной из них. Кутб, Хомейни и Маудуди предложили ислам в качестве альтернативы. Но только объединенный ислам способен победить. Маудуди и Кутб проповедовали панисламизм в суннитском мире, но они оба умерли прежде чем их идеи получили сколько-нибудь широкое распространение.

Успех иранской революции 1979 года изменил идеологический ландшафт. Оригинальным проектом Хомейни был панисламизм, объединяющий шиитов и суннитов в общей борьбе против двух врагов всех мусульман. Но как только Саддам Хусейн атаковал Иран, поставив тем самым под угрозу выживание Исламской Республики, Хомейни был вынужден перейти к обороне и изменить свою позицию. Когда родной дом осажден, уже не до единства всех верующих. Однако можно было добиться пан-шиизма. Иранский режим установил контакт с шиитами всего мира и стал им оказывать поддержку — оружием, деньгами, опытом в том числе — без каких-либо условий. Всем шиитам любого толка — в Йемене, Сирии, Ливане, Ираке — оказывалась серьезная поддержка. Никогда прежде, ни при каких шиитских династиях не было такого уровня толерантности ко всем формам шиизма. В прошлом всегда требовалось обращение, например, ты должен стать двенадцатником. Режим Хомейни этого не требовал. Зайдиты, алавиты, друзья могли оставаться теми, кем они были. Все, что было необходимо, — это шиитская солидарность. Стратегия была разработана для обеспечения поддержки Иранской революции, которая воспринимала себя объектом западной агрессии. Это — постоянная тема в современной истории Ирана, начиная с конституционной революции (1908-1911) до свержения Моссадыка в 1953 году и далее. Результатом этой политики стало появление Хезболлы — наиболее влиятельной силы в Ливане после 1982 года.

Другим событием, повлиявшим на ход истории, стало советское вторжение в Афганистан, также в 1979 году. Это дало мощный импульс панисламизму, на этот раз суннитскому. Успех Афганистана в выдворении Красной армии из страны был по идеологическому воздействию сопоставим со свержением шаха. Иранцы показали, что они могут победить Запад — а теперь и мы, сунниты победили Восток: ислам может восторжествовать и над капитализмом, и над коммунизмом. Но, подобно тому как Хомейни был вынужден отказаться от идей панисламизма в пользу паншиизма в результате ирано-иракской войны, сунниты по причине все той же войны перешли к пансуннизму. Сам Саддам Хусейн, который начинал как светский лидер, впоследствии перешел на религи-

озную риторику, взывая к суннитской помощи, как только ему показалось, что он проигрывает войну; он называл себя лидером суннизма, хотя большинство его солдат были шиитами. Американское вторжение в Ирак в 2003 году разделило суннитские и шиитские общины в стране сильнее, чем когда-либо в прошлом, положив тем самым вражду между паншиизмом и пансуннизмом на Ближнем Востоке.

В какой степени современный пансуннизм вытекает из идей Кутба или Маудуди?

Идеи Маудуди и Кутба можно понимать довольно широко. Ирония заключается в том, что пансуннизм в настоящее время стал салафитским: ваххабизм является официальной религией Саудовской монархии, и он уже пустил корни повсюду в суннитском мире. Саудовская Аравия, в меньшей степени – Катар, как лидеры пансуннизма, противостоят Ирану, лидеру паншиизма, и каждая сторона охвачена собственной паранойей. Кувейт и восточную часть Саудовской Аравии населяют многочисленные шиитские общины. Большинство жителей Бахрейна – шииты. В ОАЭ проживает большое количество иранцев. Оман населен ибадитами – это раннее ответвление протошиизма, которое, в свою очередь, берет начало от хариджитов, убивших Али. В Йемене много зейдитов. Таким образом, на всем протяжении границы – от южной части Ирака вдоль Персидского залива и вокруг полуострова до южной части Красного моря – Саудовская Аравия окружена огромным поясом шиитских сект. Алавиты по-прежнему удерживают власть в Сирии, а Хезболла контролирует большую часть Ливана. Только Иордания лежит между Саудовской Аравией и другой шиитской «дугой» на севере. Добавьте к этому беспокойство по поводу иранского ядерного оружия, и у вас есть все для эскалации противостояния сект, так как иранский режим рассуждает таким же образом. Иран воспринимает себя как объект американского прессинга, цель которого – подчинить его воле Запада. В результате – взаимная подозрительность, которая подпитывает агрессию во всем регионе.

Тенденции, которые вы описали, значительно предшествуют событиям арабской весны. Как вы оцениваете ее влияние на уже существующее противостояние?

Старый порядок оказался нарушен, а новый не наступил, поэтому революции просто расширили пространство для противостояний. В настоящее время ни одна арабская страна не имеет стабильности – ни Египет, ни Ливия, ни Судан, ни Иордания, ни Ливан, ни Тунис, не говоря уже о Сирии или Ираке. Саудовская Аравия также нестабильна после разгона демонстрации шиитов

за права человека на северо-востоке и отправки войск в Бахрейн, как только там начались стычки со сторонниками демократии. Посредником в регионе могла бы выступить Турция, однако Эрдоган упустил свои возможности, и теперь выглядит нелепо со своими вспышками паранойи, обвиняя местную оппозицию в международных заговорах.

Насколько Израиль, часто изображаемый как современное государство крестоносцев, подобно тем, настоящим крестовым походам, сыграл роль в разжигании религиозных распри в регионе?

С панисламистской точки зрения Израиль всегда был очень маленькой страной с очень маленьким населением, которым можно управлять извне, как управлялись государства крестоносцев, когда мусульманский мир был един. Но каждый раз, когда арабы воевали с Израилем, они проигрывали. И в Сирии, и в Египте война 1973 года отмечается как национальный праздник, словно это была победа, хотя, конечно, это было сокрушительное поражение. Несмотря на то, что угроза со стороны Израиля никогда не входила в число основных факторов популяризации исламизма, отчасти его возрождение обязано Израилю. Подавляющее большинство арабов враждебны к Израилю как еврейскому государству. Но эта враждебность сочетается с безразличием к палестинскому вопросу, который никогда не был центральной темой в среде исламистов. Судьба палестинцев занимает далеко не первое место в умах теоретиков исламизма. И даже когда палестинский вопрос поднимается, то Израиль воспринимается не как серьезная угроза, но как «представитель» истинной угрозы.

Что действительно оживило современный исламизм и сделало его привлекательным — так это свержение шаха в Иране. Это была первая революция в регионе, которой удалось свергнуть действующего правителя. Ни одно другое изменение в мусульманском мире не сравнится с этим. Алжирская революция была направлена против колониальной власти. Свержение монархии в Египте было одним из многочисленных государственных переворотов, как в Сирии или Ираке. В Иране же, напротив, массовые народные демонстрации, сметая армию, свергли шаха, что не имело прецедента. Кто за этим стоял? Муллы. Поэтому религия может принести изменения, она является альтернативой. Идеология Маудуди и Кутба, имевшая небольшое количество сторонников, стала привлекательной для гораздо более широкой аудитории.

В Афганистане салафиты присоединились к народному движению — и повели его в свою сторону. В Египте Садат использовал радикальные суннитские группировки, чтобы ослабить популярность социалистов и коммунистов перед тем, как расправиться

с ними, и это — типичная картина для военных режимов того периода, когда власти выступали в хорошем свете как препятствие для двух сумасшедших сторон, манипулируя ими обеими. Таким же образом израильская разведка приложила много усилий для разжигания вражды между ХАМАС и ФАТХ на палестинских территориях.

Кажется большой иронией, что те, кто мечтал об объединении мусульман, по сути участвовали в их жестоком разделении. Как известно, обвинения в отступничестве — такфир — сыграли в этом свою роль. Откуда пришла эта идея?

Этот термин можно найти у Ибн Таймия в XIII веке. Он использовался в отношении новообращенных монголов и других неправоверных мусульман, но его современное значение полностью изменилось. В принципе, вы не можете вести джихад против братьев-мусульман. Как в таком случае призывать людей к джихаду против правителя, будь то Садат или саудовские монархи? Это можно делать, только доказав, что они не мусульмане. Если посмотреть на обличение Усамой бен Ладеном размещения американских войск в Саудовской Аравии после войны в Персидском заливе, то можно заметить, что его основной задачей было показать, что правящая в Саудовской Аравии династия — отступники. Он говорил своим последователям: вы должны делать то, что я говорю, потому что эти люди больше не мусульмане. Пустив врагов ислама в святые места, они отреклись от веры. То же самое было и в Египте. Салафиты могут быть религиозными фанатиками, но они должны соблюдать основные исламские правила. Нельзя просто призвать своих последователей вести джихад против братьев-мусульман: сначала нужно доказать, что они больше не мусульмане. Таким образом, механизм такфира имеет решающее значение для салафизма. Для того чтобы убивать неверных, не нужна никакая фетва. Но для уничтожения мусульман фетва нужна, причем такая, которая объясняет, почему они больше не мусульмане и что сделало их отступниками.

Вот почему лейтенант Исламбули, застреливший Садата, не стал убивать Мубарака вместе с ним. Он мог убить Садата, потому что тот был отступником, но у него не было фетвы на убийство Мубарака. Традиционный анализ исламского терроризма не обращает внимания на то, что ее боевики фактически говорят, он изучает экономические факторы или исторические обстоятельства, оперируя только общим смыслом религии и идеологии и игнорируя те определения, которыми они оправдывают свои действия. Декан юридического факультета Катарского университета, обращаясь к мусульманской аудитории, однажды сказал, что единственный способ, которым можно победить исламский

терроризм, – это понимать его богословие и учитывать его. Пока мы отрицаем этот фактор, нет никакой возможности победить воинствующий ислам.

Есть ли шиитский эквивалент салафизма?

Хезболла. Разница в том, что их решения не становятся достоянием общественности – они остаются в замкнутом кругу. Почему Хезболла в настоящее время вовлечена в войну в Сирии? Потому что люди убеждены: те, кто борется с сирийским режимом, убьют нас, если мы не убьем их первыми. Так что в шиизме действует та же логика. Мусульманский мир в настоящее время охвачен бессмысленным и кровопролитным противостоянием суннитской и шиитской идеологий. Это трагедия.

Если можно, добавлю несколько слов от себя. Я очень не люблю ездить в родной Ливан, потому что каждый раз, когда я сижу в кругу своей семьи, единственное, о чем они хотят говорить, – какие ужасные шииты. Я родом из суннитской деревни в христианском районе на юге Ливана. Но у меня нет ни одного близкого друга-суннита в Ливане: все мои друзья – либо шииты, либо христиане. Родители никогда не запрещали мне дружить ни с теми, ни с другими.

Но в настоящее время люди страдают от своих сектантских предрассудков. Мой дядя, профессор химии, жил в шиитском районе Бейрута и имел много друзей-шиитов. Ему пришлось переехать в суннитский район. Другой мой дядя, живший в районе, который позднее стал шиитским, также сейчас живет в суннитском районе. Они переехали, потому что они не чувствуют себя в безопасности. Мой самый близкий друг – шиит, который провел всю свою жизнь в суннитском районе. Там его все знают. Но теперь в том районе много салафитов, и жить там стало небезопасно для него самого, его жены и детей, поэтому он был вынужден уехать в район Бейрута, где немного безопаснее. Все это очень печально. Тем не менее, очевидно, что ситуация в Ливане пока несколько лучше, чем хаос в Сирии или в Ираке, где какой-нибудь сумасшедший может прийти в то или иное место и взорвать себя, не беспокоясь о том, кто эти люди, которых он убивает.

*Перевел с английского Михаил Караваяев,
редактировал Алексей Бодров*